

ВЕСЕННИЙ ВЕНОК

Если тебе чего-то не даёт
близкое будущее, оглянись, не
даст ли его далёкое прошлое.

В. Фёдоров

1

Я в прошлое распаиваю двери.
Весна... Который год? Который день?
Как облака, над городом сирень
клубится... Я ломаю ветки в сквере.

Здесь не найти ни таинств,
ни мистерий —
не навожу я тени на плетень.
Вонзали стрелы в сердце,
как в мишень,
амуры и в дохристианской эре.

Любовь — творец? Она — убийца духа.
Тоска шумит настойчиво и глухо
и, разбиваясь, как волна о риф,

пронзительной окатывает болью.
Пусть! Я встречусь всё-таки с тобою.
Хочу шагнуть, но впереди — обрыв.

2

Хочу шагнуть, но впереди — обрыв.
Но я не зря, исполненный сноровки,
взбирался на вершины без страховки:
уж многих нет, а я, как прежде, жив.

Я видел смерть и много всяких див,
но мчался мимо них без остановки.
И в книге бытия лишь заголовки
читал, любитель дальних перспектив.

Игорь Александрович Елисеев (Ростов-на-Дону) — поэт, переводчик, ученый, публикуется со стихами в отечественной прессе с 1971 г. Стихи переводились на английский, чувашский, карачаевский, ингушский, болгарский, непали, польский, португальский, сербский, армянский языки. Издано более 20 книг. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Рукопись». Лауреат XI и XIII Артиады народов России. Обладатель почётного диплома в связи с празднованием 200-летия Бханубхакты Ачарьи за переводы стихов непальских поэтов и издание двуязычного сборника стихов («Мост Сваргадвари», 2014). Награждён золотой медалью «200 лет М.Ю. Лермонтову» (2015), дипломом «Лучший автор альманаха «Литературная Канада-2016». Академик ПАНИ, член Международного союза литераторов и журналистов АРΙΑ (Лондон), Союза писателей России и Союза писателей Москвы.

Теперь взглянуть под ноги не пора ли?
Гляжу... Но там дымят всё те же дали.
Небес нацелен жёлтый объектив,

и в нём отражено моё былое:
и девушки фигура над скалою,
и синева, и облаков разлив.

3

И синева, и облаков разлив —
вот чем я жил в то искреннее время
и ни за что не соглашался с теми,
кто видел мир, как будто негатив,
кто был надменно-туп или спесив,
сомненья в ком не щекотали темя.
О как мечтал я, вставив ногу в стремя,
вскочить в седло и кинуться
в прилив

волнующего ветра!.. О мятеж!
Мой мир ещё и девственен, и свеж,
и я, покуда всем на свете веря,

пытаюсь разобраться, почему
во тьме моё грядущее, в дыму,
и птиц не видно в дымной атмосфере.

4

И птиц не видно в дымной атмосфере
от слов туманных, тлеющих речей.
И меж могучих плеч или локтей
опоры нет, как нет спасенья зверю

в порубленных лесах, и среди феерий
докладов — незаметен был ручей
отравленный... Но я ещё ни в чьей
в то время не участвовал афере,

и ничего понять ещё не мог.
Так на лугу поднявшийся росток
не думает о званиях и карьере,

а радуется солнцу и дождю.
Но всё прошло. Я ничего не жду.
Я самому себе уже не верю.

5

Я самому себе уже не верю,
не верю в то, что я её любил
и столько слёз из-за неё пролил,
что впору было к дулу револьвера

виском прильнуть,
от страха зубы щеря, —
пойти на зов настойчивый могил,
как мореход неосторожный плыл
на зов сирен... Да чёрта мне в Гомере!

И слава Богу... Я ещё так мало
тогда читал. Моя душа внимала
сиянью звёзд, зелёной песне нив,

и не казалась жизнь тогда напрасной.
Ах, я ль в глаза её смотрел так страстно?
Я ль был когда-то молод и пытлив?

6

Я ль был когда-то молод и пытлив,
стоял под небом, как зелёный колос,
и пел любовь, свой неокрепший

голос

в наивный хор
юнцов влюблённых влив?

И до сих пор не смог я тот наив
избыть, но одного мне жаль:

что полис
не выправил я на любовь. Как полюс,
она была далёкой, как нарыв —

болезненной, опасной — как тенёта,
нелепой и тяжёлой, как работа,
что, может, до сих пор вершит
Сизиф,

забыв за все тысячелетья ада,
что был и он,
влюблённый в жизнь когда-то,
и необуздан, и нетерпелив.

7

И необуздан, и нетерпелив,
я весь был — ветром буйным
вздутый пламень.
Чужого сердца раскалялся камень —
да, твоего! ты помнишь? —
лишь порыв

такого вихря, резкого, как взрыв,
его касался. Как от искры —рамень,
пылала ты...

Сюжетик мелодрамен,
к тому же списан временем в архив.

Теперь осталось только головешки
собрать и схоронить
в кривой усмешке,
почуяв боль тупую в подреберье —

а не под левым, как всегда, соском —
и позабыть, что жил я не тишком
и о любви писал, ломая перья.

8

И о любви писал, ломая перья
и не щадя ни сердца, ни души.
И девушки все были хороши,
и в них влюблялся я, не лицемера.

И ни одна не мучила потеря,
не заставляла слёзы лить в тиши,
забившись в угол. И, хоть рассмеши
весь мир, я не слыхал об адюльтере.

Но это всё происходило до
тебя. Когда ж покинул я гнездо
родительское и побрёл по свету,

случилось то, что тысячи веков
случается — узнал я гнёт оков.
Ну что ж, припомню, так ли было это.

9

Ну что ж, припомню, так ли было это.
И ты ли в ту весну была со мной?
Увы, теперь живу я не весной.
Мне позднее теперь милее лето.

Но что же взять с влюблённого поэта,
чью душу жёг невыносимый зной?
Скорей всего, была ты не одной,
а несколькими сразу. И, воспета

моим пером, — туманом стала, сном,
и часто я найти пытался в нём
на все недоумения ответы.

И хоть из снов, из опыта, из книг
я ни любви, ни жизни не постиг,
но ничьего не нужно мне совета.

10

Но ничьего не нужно мне совета,
я доберусь до истины и сам.
И, может, посмеюсь над ней, как Хам
над наготой отца. И Бог за это

сживёт меня проклятьями со света.
Но в жизни было много этих драм,
ведь Божья доброта знакома нам,
как тайна дорианова портрета.

Юродствуют, кликушествуют: «Боже!»
О, им подобным стать — себе дороже.
Мне истина совсем в другом видна.

Исчезни — глупость,
ненависть — исчезни.
Мне с вами разбираться — много чести.
Лишь ты, любовь, откликнись,
ты, весна.

Лишь ты, любовь, откликнись,
ты, весна.

Ведь знаю я, ты ходишь где-то рядом.
С улыбкой за тебя и чашу с ядом
я осушу, как сладкий сок, до дна.

В том, что живу, виновна ты одна,
хоть никогда ты не являлась на дом
ко мне — но приходила звездопадом
в ночной степи, но билась, как волна
о берег речки среди гор — и вновь
ломала безмятежность, словно бровь,
сжигала, доводила до озноба.

Но я приму тебя, как благодать,
лишь ты явись в судьбе моей опять —
и мы пройдем дорогой этой оба.

И мы пройдем дорогой этой оба,
как шли в те незапамятные дни.
Ты помнишь ли? На прошлое взгляни,
но только вернуть его не пробуй.

Довольно мы скитались по трущобам
измен, печалей, скук, неврастений.
Что нового (как жизнь ни растяни)
узнать мы можем? Кончена учёба.

О девочка, за все меня прости:
за то, что было нам не по пути,
за то, что было время не особо

к нам милостиво, за мои стихи,
в которых, как они там ни плохи,
я помнить обещал тебя до гроба.

Я помнить обещал тебя до гроба,
но ничего не требовал взамен,

догадываясь: клятвой среди стен
«любви навек» —
не удержать зазнобы.

И я уже задумывался обо
всём, что могло войти
в понятие «тлен».

И места в нём хватало для измен,
обманов, козней, безучастья, злости
и прочего — не перечесть всего.
Но жизнь своё творила торжество,
и за весною снова шла весна.

И, разочарованьям вопреки,
я клялся петь до гробовой доски.
И слово я своё сдержал сполна.

И слово я своё сдержал сполна,
Теперь за этой стенкою забвенья
выкрикиваю я стихотворенья,
которые, как за волной — волна,

как за струной гудящей — струна,
и как в цепочке — кованые звенья,
друг в друга переходят, и смятенье
во мне растёт, как высь и глубина.

Но мир вокруг меня невозмутим,
и я лечу куда-то вместе с ним, —
ненужная деталька в интерьере,
живое там, где пусто всё, мёртво.
И, мысленно спасаясь от него,
я в прошлое распахиваю двери.

*Я в прошлое распахиваю двери,
хочу шагнуть, но впереди — обрыв,
и синева, и облаков разлив,
и птиц, не видно в дымной атмосфере.*

*Я самому себе уже не верю.
Я ль был когда-то молод и пытлив,
и необуздан, и нетерпелив,
и о любви писал, ломая перья?*

*Ну что ж, припомню, так ли было это.
Но ничьего не нужно мне совета.
Лишь ты, любовь, откликнись,
ты, весна.*

*И мы пройдем дорогой этой оба.
Я помнить обещал тебя до гроба,
и слово я своё сдержал сполна.*

ЛЕТНИЙ ВЕНОК

Кто знает, любим ли мы что-то
потому, что оно похоже на нас,
или же мы начинаем походить
на то, что любим?

Гюнтер де Бройн

1

Я звёздной высотой опьянён.
О, как бы улететь туда, где много
таких же, как и я, и руку Бога
пожать, чтоб мне ответил тем же Он?

Ах, что же это я? Какой резон
мне, атеисту, думать так убого?
Не церковь, не мечеть, не синагога —
здесь Машука
травой поросший склон.

Ореховая роща. Тишина.
И звёздный ковш
опустошён до дна —
вокруг разлиты чёрные чернила.

Моя подруга спит. А я, грустя,
ищу тепла у губ её, хотя
ещё земли дыханье не остыло.

Ещё земли дыханье не остыло.
О лето, ветра терпкого налей!
Всё не решу я, что же мне милей:
не знать, что будет, иль забыть,
что было?

Спи, милая, я знаю, ты любила
не одного меня среди полей
и рощ. Но оттого не стала злей
моя душа и меньше — страсти сила.

Что тут поделать? Все мы таковы.
Мы землю носим вместо головы,
заходят в разум чувства наши с тыла,

и космос разбегается из нас...
Я время потерял... Я весь из глаз...
И падают в мои глаза светила.

3

И падают в мои глаза светила,
и вот уже провижу я века.
И сам я стал подобьем старика,
тысячелетнего Мафусаила.

Мне зрение духовное открыло
события, не свершённые пока.
Они летят ко мне издалека,
расправив звёзд сияющие крылья.

Горит моё сферическое тело,
что вырваться из космоса хотело
и потому взяло такой разгон.

Но эта быстрота недостижима,
и звёзды пролетают
в вечность — мимо,
и там находят свой покой и сон

4

И там находят свой покой и сон,
где лишь Ничто

в одно мгновенье сжато.

Оно — в себе —
взорвётся вновь когда-то,
и новый мир вновь будет сотворён.

И в нём опять услышу я твой стон,
стон страсти в стороне той тридевятой,
где сказки обретается утрата,
чьи письма скрывает небосклон,

В них — вся любовь и все на свете муки,
и языка единственного звуки,
что оглашали прежде Вавилон,

и странные виденья Аввакума,
и потаённые людские думы,
и та, в кого я, кажется, влюблён.

5

И та, в кого я, кажется, влюблён
был некогда до умопомраченья,
теперь забыта... Звёздное свечение
вошло в мой разум, взяв его в полон.

Куда иду я — вверх иль под уклон?
Имеет ли для вечности значенье,
какое взято мною направленье?
У вечности совсем иной закон.

Нет «вправо-влево», «верха-низа» нет.
Есть только звёздный негасимый свет,
рассыпанный, как ягоды кизила,
в пространстве бесконечном...

Мой удел
мерцать на небе среди звёздных тел,
пройдя страстей
бессмысленных горнило.

6

Пройдя страстей
бессмысленных горнило,
я, наконец, спокойствие обрёл:

так плавно в небесах парит орёл,
так средь песков струятся воды Нила.

Но снова сердце у меня заныло,
как будто брошен я на произвол
судьбы, как будто гол я как сокол
остался. Это прошлое все жилы,

безжалостное, тянет из меня.
Я чую ночь, я здесь не вижу дня.
Но этот мрак —
не мрачный мрак могилы,

он жизни неизбежный взрыв сулит.
Не потому ли тьма, войдя в зенит,
со мною зачарованно застыла?

7

Со мною зачарованно застыла
ореховая роща под луной.
Спи, милая... Великой тишиной
нас небосвод овеял златокрылый.

Держась за звёзды, словно за перила,
захлестнут бесконечной вышиной,
я поднимусь к нему, и подо мной
с Харибдою сойдётся снова Сцилла.

И на тебя я посмотрю оттуда,
где место есть любви,
бессмертью, чуду,
где тронов нет, правительств и икон...

Ах, снова я взлетаю к эмпирею.
Но огненной мечтою душу грею
пред бездною пространств,
чредой времён.

8

Пред бездною пространств,
чредой времён
всё можно потерять: отвагу, волю,

и, в сторону вильнув, пойти кривою
дорогой к злему духу на поклон.

И только слыша
звёзд хрустальный звон,
шаги травы по дремлющему полю,
счастливую ты постигаешь долю
жить с миром необъятным в унисон,

любовью побеждать боязнь и горе
и знать, что этим летом в Пятигорье
мы видели следы не всех комет,

пронёсшихся в безмолвии над нами.
Ну что ж, пускай

нас тьма укроет снами,
а утром нас разбудит тихий свет.

9

А утром нас разбудит тихий свет,
и мы забудем всё, что будет после
бесстрастия ль, веселия ли, слёз ли...
Ну, кто на это сможет дать ответ?

Кто знает смысл всех радостей и бед?
Не тот ли вон сверчок, поющий возле
твоей ладони? Или низкорослый
цветок, ещё не сорванный в букет?

О жизнь — любовь и разочарованье!
Не всем я чувствам подыскал название,
но этих двух оставила ты след

во всей природе. Так сними же вето
со знания того, зачем всё это
и что там будет через много лет.

10

И что там будет через много лет,
и что произойдёт через мгновенье —
во мне рождает радость и смятенье,
как росы испаряющий рассвет.

Вдали белеет ледяной хребет
Кавказских гор, а здесь —

Машук в цветенье,
и мы идём по склону вместе с тенью
от облака, пузатого, как Фет.

О ночи я забыл уже почти.
Ты, милая, в глазах моих прочти
о том, что всё же я рождён поэтом,

и потому не сможешь ты вовек
меня забыть. А что любовь — как снег,
не думай часто в юности об этом.

11

Не думай часто в юности об этом
прекрасном, лёгком времени.

Пускай
оно в тебе цветёт, как будто май,
поёт листвою и веет тёплым ветром.

Но стоит мыслям —
неслухам ответным, —
задеть, резвясь, его одежды край,
к тебе тоска прилипнет, как лишай,
и будет зябко телу даже летом.

Пусть я тебя на много лет моложе,
я никого не оскверняю ложью,
ведь я живу на свете не впервой, —

себя я помню атомом в Урарту.
И пусть душа поставит всё на карту,
пока не стала чёрною дырой.

12

Пока не стала чёрною дырой,
могучею вселенской невидимкой, —
окутанная солнечною дымкой,
жизнь занята беспечною игрой.

Из Атлантид, Теночтитланов, Трой
она пришла к нам юной пилигримкой.

Её не назовёшь ты нелюдимкой,
но почему же для неё кострой

становимся мы, люди, понемногу?
Где те, кто с ней отправились в дорогу
далёкой, незапамятной порой?

Но веришь ей, пренебрегая риском,
пока сияет золотистым диском
звезда твоя над этою горой.

13

Звезда твоя над этою горой,
принявшей альпиниста Пастухова
и гордого поручика, чьё слово
и ныне светит ясною зарёй, —

идёт своей небесною тропой
и освещает всё, что есть живого...
Тебе привычно это всё и ново.
Ты счастлива, и счастлив я с тобой.

И, может, через множество разлук
приду я снова летом на Машук
и там увижу, что, по всем приметам,

и ты здесь побывала... Боже мой,
грядущее, чем явишься ты — тьмой?
Прошу тебя, будь теплотой и светом.

14

Прошу тебя, будь теплотой и светом,
блаженство дай, подобное лучу.
Я, может быть, и многого хочу,
но не хочу надоедать при этом.

Любовью мне отныне быть согретым
на долгие года. И по плечу
невзгоды мне, что душу, как свечу,
задуть хотят. Отныне всем наветам,

всем недругам —
их презирая травлю —

любовь и веру противопоставлю,
всех хищников, от грифов до ворон,

прощаю... И сознаться здесь
не прочь я:
я — бражник, солнце пью,
как хмель, а ночью
я звёздной высотой опьянён.

15

*Я звёздной высотой опьянён.
Ещё земли дыханье не остыло.
И падают в мои глаза светила
и там находят свой покой и сон.*

*И та, в кого я, кажется, влюблён,
придя страстей
бессмысленных горнило,
со мною зачарованно застыла
пред бездною пространств,
чредой времён.*

*А утром нас разбудит тихий свет,
и что там будет через много лет —
не думай часто в юности об этом.*

*Пока не стала чёрною дырой
звезда твоя над этою горой —
прошу тебя, будь теплотой и светом.*

ОСЕННИЙ ВЕНОК

Кто разгласил свою любовь,
тому спасенья нет.

Мир Таки Мир

1

Благодарю, осенняя пора,
за ранних вечеров прохладный
воздух,
за строчки птичьих стай,
прощально-поздних,
возникших из-под сумерек пера.

Благодарю за тот огонь костра,
что искрился в кометах
длиннохвостых
и пролетал пустынный перекрёсток,
и отпадал, как мёртвая кора.

Реальность в дым превращена была.
И мне дарили горсточки тепла
оранжевые блики светофоров.

Но это начинался листопад,
и были в нём
и твой влюблённый взгляд,
и твой капризный
и превратный норов.

2
И твой капризный
и превратный норов —
штиль урагана, буйство тишины —
легко проник в меня, как плеск волны,
влетевшей в бухту
из морских просторов,

как лёгкий плеск гитарных
переборов,
отображённый твёрдостью волны.
Ты вся была, как в пальцах —
дрожь струны,
дыханье умирающих аккордов.

И не было молчания и сна,
и уходила в глубь небес луна —
за ней тянулся след из метеоров,
сгоревших звёзд
и взорванных планет.
Но видел я лишь твой туманный след
и облачную тяжесть влажных взоров.

3
И облачную тяжесть влажных взоров

я ощутил всей хрупкой силой плеч.
Покой, что вечность
не смогла сберечь,
похищен был и на клочки разорван.

Такого я ещё не знал позора,
такого пораженья жизни всей,
когда на полотне души моей
пытался всяк свои писать узоры.

Но только ты их вывести сумела
графитом ночи, звёзд летящих мелом
и огненную кисточкой костра.

И я впервые следую упорно
туда, где даль закрыта
дымкой чёрной —
там первые морозные ветра.

4
Там первые морозные ветра,
как в дудку, дуга в телеграфный провод,
вдруг незаметно жалят, словно овод, —
душа моя, не жди от них добра.

Там, впереди — декабрь, как гора.
Мгновенно счастье — это ли не до-
вод?
Но краткость бытия — ещё не повод
сдаваться нам на милость декабря.

Пока ещё дела вершатся ладом,
то сердце у земли не вырвет атом.
Но трещинка на кончике рёбра
всё ширится, и боль тебя пронзает —
острее нет. Не потому ль —
кто знает? —
в твоих кудрях вкрапленья серебра?

5
В твоих кудрях —
вкрапленья серебра.

Вокруг зрачков — голубоватый иней.
И жилкой на виске рельефно-синей
жизнь бьётся, годы в русло собира.

Ты временем пронизана. Стара
земная карта этих синих линий.
«Не падает ползущий».

Прав ли Плиний?

Из туч ползущих льёт как из ведра.

И верится — не ляжет никогда
на эти веки тьма кусками льда
и не закроет майские просторы,

где зеленеет вечная трава...
Листва кружится, как твои слова,
что прозвенят метелью лёгкой скоро.

6

Что прозвенят метелью лёгкой скоро
те звёзды, по которым загадал —
не ведал я, взлетевший, как Дедал,
и от земного отвративший взоры.

Внизу осталась ты. И, нету споров, —
я был, как лист,
взмётённый ветром, мал.
И всё же тот ничтожней, кто блуждал
среди им же понастроенных заборов.

Вот, человек, твой жалкий лабиринт,
Твоя душа в его ходах царит,
как будто нечисть в ящике Пандоры.

Пускай уж всё покроется вокруг
листвою палой. Приходи, мой друг!
Ты кто мне, осень? — Только не опора...

7

Ты кто мне, осень? — Только не опора.
Я родственница ветра и дождя.
Люблю я, ранних сумерек не ждя,
день в тучи умыкнуть, подобно вору.

Мне до луны — все ваши разговоры.
Я без царя в башке и без вождя.
Я вас люблю, у вас ко мне — вражда,
но я рождаю корень мандрагоры.

Я кладовые с верхом засыпаю,
и с первыми снегами засыпаю
и вижу сны цветные до утра.

Но утра нет. Зари застыли угли.
О том, что краски все мои пожухли,
последний лист мне прошептал вчера.

8

Последний лист мне прошептал вчера
твои слова, в которые не верю.
Ещё и птице в небесах, и зверю
в лесу дремучем — сладкая пора.

И мне с тобой прощаться не пора,
хоть нету счёта горестным потерям.
И дворники по улицам и скверам
сметают в кучу листья для костра.

Идёт мой путь извилисто и круто,
и нету сердцу моему приюта,
и незнакомо сердце с тишиной.

Как и твоё, болит оно. И всё же
услышал я, как ночью непогожей
последний гром ударил надо мной.

9

Последний гром ударил надо мной,
и небосвод погас при этом звуке.
Как две реки, твои струились руки
и у меня сливались за спиной.

Я ждал уже свидания с весной.
И не бывало беспощадней муки,
чем знать, что ты идёшь
к своей разлуке,
не чувствуя, кто этому виной.

Во тьме уютно лишь кротам и совам,
и тем, кто вечным холодом закован.
О, как ты дышишь кожей ледяной!

Скажи, куда твой жаркий
пламень канул?

Проснись же огнедышащим
вулканом!..

И дрогнул под ногами шар земной.

10

И дрогнул под ногами шар земной,
и вырвался из клетки дикий атом.
И над планетой демоном крылатым
пронёсся, осыпая землю тьмой.

Осунувшейся, плачущей, больной
ты шла под этим пепельным закатом.
Казалось человечество распятым
на водородной туче над тобой.

И не было живой души окрест,
и над землёй —
лишь адский этот крест,
пылающий от края и до края, —

зола от рая, что сгорел дотла...
Упал твой голос сгустками стекла
и покатился, скорость набирая.

11

И покатился, скорость набирая,
истории людской последний век.
И о любви забывший человек
бежал стремглав от лая и от грая

к той осени, где листья, озаря
сырыми отсветами — сон усталых век,
стекали в русла двух иссохших рек,
светившихся, на полночь невзирая.

Но то струились Ахерон и Лета.

Пустая в пустоте неслась планета,
и ни души не видел он кругом, —

ни мёртвой, ни живой. И с небосвода
луна катилась в мертвенные воды,
как будто вниз по склону снежный ком.

12

Как будто вниз по склону
снежный ком,
летела в пропасть времени планета.
Плевать, коль даже Бог плевал на это.
Кто хочет жить во времени таком?

Кто с временами года не знаком?
Из осени, зимы, весны и лета,
скажите, кто не собирал букета,
любуюсь каждым цветом и цветком?

Но друг за другом отмирали стебли,
и вдалеке — в забытом Богом небе —
отмершие секунды кувыркком

неслись, как листья, кучками
и вроссыпь.
И, как песок, в глаза летела осень,
и время обдавало ветерком.

13

И время обдавало ветерком
уже не злым, а ласковым и нежным.
И, словно распутившийся подснеж-
ник,
любовь твоя сияла всем кругом.

А может быть, она другим цветком
тянуться стала к высоте безбрежной,
и то, что было осенью предснежной,
весенним обернулось вдруг теплом?

Отгадывать мне было недосуг.
Я видел только твой цветущий луг
и, неизбежность чувства принимая,

стремился вновь ожить в твоей судьбе.
И потому казался сам себе
рождённым на полях цветущих мая.

14

Рождённым на полях цветущих мая
неведома осенняя игла,
в которую, как нить, продета мгла.
Но эта нить, по счастью, золотая.

И, от цветка к цветку перелетая,
в последней вспышке света и тепла,
душа моя, как сонная пчела,
вдруг встрепенулась,
крыльями блистая.

И, опьянев от терпкого нектара,
она забыла о судьбе Икара
и поднялась туда, где лишь ветра

и где само существование зыбко.
И всё ж тебя за слёзы, за улыбки
благодарю, осенняя пора.

15

*Благодарю, осенняя пора,
и твой капризный и превратный норов,
и облачную тяжесть влажных взоров, —
там первые морозные ветра.*

*В твоих кудрях — вкрапленья серебра,
что прозвенят метелью лёгкой скоро.
Ты кто мне, осень? — Только не опора, —
последний лист мне прошептал вчера.*

*Последний гром ударил надо мной,
и дрогнул под ногами шар земной,
и покатился, скорость набирая,*

*как будто вниз по склону снежный ком.
И время обдавало ветерком,
рождённым на полях цветущих мая.*

ЗИМНИЙ ВЕНОК

Всё на свете — лишь цвет и
плод страдания.

Бенито Баррето

1

Пришла пора последнего венка.
И, заплутавший в снежной круговерти,
о предопределении и смерти
я вспомнил вдруг.

И вспыхнула тоска,

и будущее светом маяка
пронзила насквозь,

и в небесной тверди
исчезла, как твоя печаль в конверте,
что ты послала мне издалека.

Надежда затерялась по пути.

Мы к ней рванулись — где там! —
не найти.

Сам путь — и тот найти мы не сумели.

И вот глядим в туманное окно
и ждём весну, прошедшую давно.
Но за окном цветут одни метели.

2

Но за окном цветут одни метели —
красивые и мёртвые цветы.
Леса былого — девственно густы,
признания срубить их не сумели.

Когда они, соединясь в артели,
и молодняк изводят, и кусты, —
где душу-нелюдимку спрячешь ты?
Где сказку сохранишь ты, в самом деле?

Под поезд бросишь

или под комбайн?

Нет места в жизни для чудес и тайн.
Всё — графика, исчезли акварели.

И мы в лесу полуночном глядим
на небо и на то, как спят под ним
осыпанные снежной пылью ели.

3

Осыпанные снежной пылью ели
как воины стоят, сомкнув ряды,
как будто от неведомой беды
нас охраняют. Боже, неужели

неведомой, коль речь не о постели,
а о прогулке в зареве звёзды?
Теперь я знаю, чьи в лесу следы
я видел утром. Да, мы на прицеле

у амазонки, девственницы, дуры,
охотницы до всякой авантюры,
у меткого, жестокого стрелка.

Но нам защитой зимние деревья
и холод, что в сердцах у нас издревле,
и подо льдом журчащая река.

4

И подо льдом журчащая река
напомнила: всё неостановимо,
всё рушится, течёт, проходит мимо
и снова создаётся из песка.

И смерть глядит нам вслед
исподтишка.

«И ты...» Иуда? Брут? Какое имя
ты носишь нынче? Или псевдонима
такого нет, чтоб лгать наверняка?

Не морщи от вопросов этих темя.
Предателю есть имя, это — Время.
Из бытия дырявого мешка

оно струится — не зажать! Пустое!
С отчаяньем следящий за тобою,
я вижу, как бела твоя рука.

5

Я вижу, как бела твоя рука,
подобно пролетающему снегу.
Она сулит спокойствие и негу,
но уплывает, словно облака,

как этот снег — бесшумна и легка, —
что тает, но весеннему побегу
жизнь отдаёт. И новому ковчегу
пускаться в половодье сквозь века,

сквозь штиль и бури, бдение и сон,
минуя океаны всех времён,
минуя перекааты, рифы, мели, —

и некому уже ему помочь.
Ты смотришь в опустившуюся ночь,
и лунный свет в твоём проснулся теле.

6

И лунный свет в твоём проснулся теле.
Ты вся — как луч. Ты призрак,

ты мираж.

Последний день, как, впрочем,
первый наш,
инертен и бесцветен, словно гелий.

Но я и думать не хотел доселе,
что совершу такой крутой вираж,
и обретёт моя душа кураж —
бездумное и шумное веселье.

Грядущего и прошлого — не жаль.
Долой воспоминанья и печаль.
Да здравствует
счастливое похмелье!

Как тени, разбегаются года.
Твой вспыхнул свет —
сейчас и навсегда, —
и заструился, различимый еле.

И заструился, различимый еле,
но силу набирающий поток
застывшей было крови.

Дай мне срок,
и выпью я любовь, как будто зелье.

Лекарство или яд? Никто доселе
не разобрал. И есть ли в этом прок?
Вот и теперь — я сделал лишь глоток,
и зазвенели вдруг меня капли.

Пусть в жизни места
быть не может чуду,
пускай давно лежат снега повсюду,
я в чудо верю. Я живой пока.

Во мне огонь горит. И, значит, скоро
я промелькну, подобно метеору,
сквозь ночи, снегопады и века.

Сквозь ночи, снегопады и века,
космические бури и морозы
моя любовь твоей коснётся розы
росинкой на изгибе лепестка,

заслушается пением сверчка,
увидит, как проносятся стрекозы, —
узнает жизнь — и смех её, и слёзы,
и расцветёт подобием цветка.

Цветка, что красен,
словно кровь отчизны,
как пламя зорь,
как в каждом миге жизни —
начало и конец, как «да» и «нет».

И на земле тебя найду, на небе ль —
свой огненный раскачивая стебель,
пусть, как цветок,
поднимется рассвет.

Пусть, как цветок,
поднимется рассвет
над ледяною полусонной Рузой.
Была любовь мне тяжкою обузой
и не припомню даже, сколько лет.

Я знал её, как суету сует,
и примерял, как пиджачок кургузый.
Она была поклажею и музой,
и тропы гор стелила, как паркет.

И что теперь? Я вовсе не безумен.
Жизнь — монастырь мне,
а покой — игумен.
Я в клетке веры заперт, как аскет.

И в небесах, за леденящей далью,
оттаявшее солнце наблюдаю, —
а прочих и не нужно мне примет.

А прочих и не нужно мне примет.
Лишь эта — вот! — живая...
Милый запах духов ли,
снегопадов ли внезапных
я сохранию, как юности привет.

Я подарю тебе иной букет.
И пусть зима, вся в солнечных
заплатах,
крадётся следом на упругих лапах,
вокруг себя струя тревожный свет.

Мы знаем: наши весны —впереди.
Малиновый цветок в твоей груди
горит, всё глубже запуская корни

в мою неостывающую кровь.
Венок из роз — последнюю любовь —
я — стебель к стеблю —
всё плету упорно.

Я — стебель к стеблю —
 всё плету упорно
 невидимый венок, как будто — сеть,
 хоть знаю, что мне всё же не успеть:
 ты ускользнёшь от рыбака проворно.

Ты скроешься в ночной пучине
 чёрной,
 а я всё так же буду вдаль смотреть
 на берегу, забравшись под поветь,
 и слушать моря громкие валторны.

Летят, летят отчаянные звуки
 сквозь ледяную занавесь разлуки,
 сквозь вечность,
 что закрылась паранджой,
 туда, где не мигнёт огонь случайный,
 где только бесконечность,
 мрак и тайна —
 в безвременье твоей любви большой.

В безвременье твоей любви большой,
 у пропасти бездонной и туманной,
 обманутый её фата-морганой,
 я снова окажусь перед тобой.

И снова всё окажется игрой,
 колышущимся воздухом, обманом.
 Как видно, и зимой
 виденьям странным
 случается нас посещать порой.

Но я замечу грустную улыбку.
 Пусть всё вокруг расплывчато
 и зыбко —
 мир стал сплошной
 зеркальной стеной.

Не в ней ли отразилась ты? И даже

мне протянула в ледяном мираже
 венок зимы усталую душой.

Венок зимы усталую душой
 приму я благодарно, бессловесно.
 Как будто всё, что будет, мне известно,
 а то, что было — не прожито мной.

Я не коснусь холодной тоской
 твоей тоски горячей. Честь по чести
 простимся мы. Но души наши вместе
 сплетутся, как зимою — лёд с рекой.

Всё так и было, скажем мы потом —
 таинственным, безумным,
 глупым сном.

Не лезвием ножа — дорогой торной
 идти нам дальше. Только вот видна
 там, у реки, покрытой льдом, стена
 из камыша, бессмертника и тёрна.

Из камыша, бессмертника и тёрна
 положат символ памяти на гроб.
 Дай, Господи, чтоб так и было, чтоб
 склонилась надо мной эпоха скорбно.

И ты придёшь, конечно же,
 бесспорно,
 отчаянья таящая озноб,
 и на холма могильного сугроб
 опустишь розу всем наперекор, но

от жара алого протает снежный наст
 и рыхлая земля, и роза мне отдаст
 огонь свой, и подобьем колоска

жизнь затрепещет. И с твоей мечтой
 моя сплетётся и забудет, что
 пришла пора последнего венка.

Пришла пора последнего венка,
но за окном цветут одни метели,
осыпанные снежной пылью ели
и подо льдом журчащая река.

Я вижу, как бела твоя рука.
И лунный свет в твоём проснулся теле
и заструился, различимый еле,
сквозь ночи, снегопады и века.

Пусть, как цветок,
поднимется рассвет,
а прочих и не нужно мне примет.
Я — стебель к стеблю —
сё плету упорно

в безвременье твоей любви большой
венки зимы усталую душой
из камыша,
бессмертника и тёрна.